

ОН НУЖЕН ДЛЯ НАШЕЙ СЛАВЫ

Независимая газ. - 2001 - 26 нояб. - С. 7

Татьяна Рыбакина

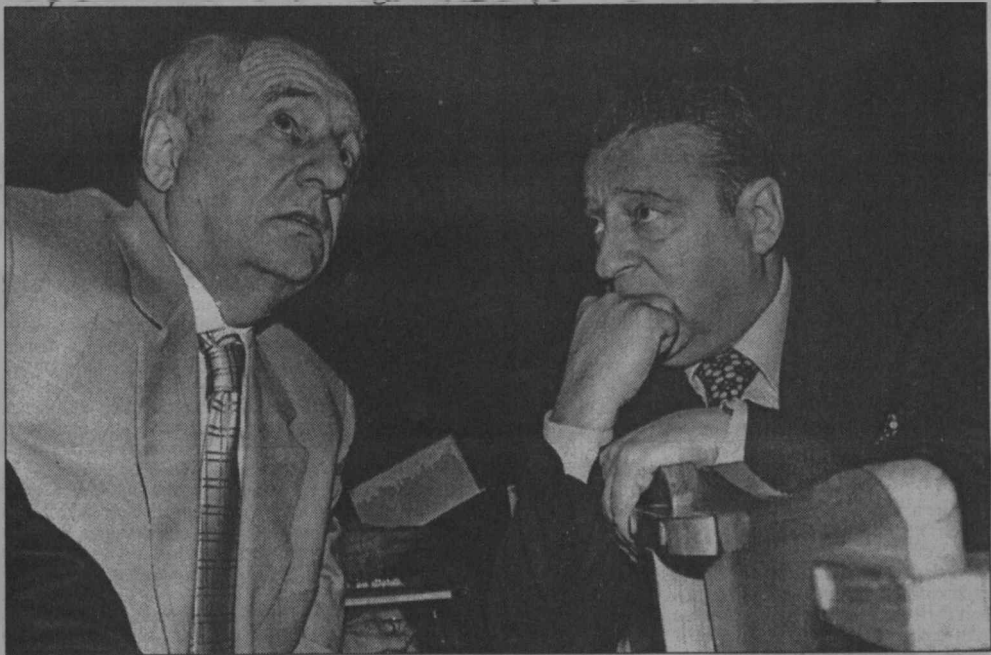
В четверг вечером во МХАТе имени Чехова прошел вечер памяти Олега Ефремова. «Олег Ефремов. Продолжение диалога» — таково было его то ли объявленное, то ли задуманное название. Хорошо, что в этот раз память Ефремова не была «узурпирована» кем-то одним, отчего в «рассеянии» — в распределении между коллегами по профессии, режиссерами, драматургами, актерами — сама фигура Олега Николаевича увеличилась и приблизилась, вероятно, к реальному своему масштабу.

«В» ОТ и минут целый год точно день, — с этой цитаты Твардовского Олег Табаков, возглавивший МХАТ имени Чехова после смерти Ефремова начал вечер его памяти. Он же и подвел итог происходившему в Камергерском переулке другой цитатой, на этот раз булгаковской, из «Кабалы святош» — про то, что для его славы уже ничего не нужно, но он нужен для нашей славы.

И долго еще будет нужен. Время притупляет боль потери, а вот брешь, пробитая законами природы, остается навсегда. Эта пустота не заполняется никем и ничем, ее ощущаешь очень явственно. И понимаешь (почему только в момент потери?), что никогда не поговоришь, не поздороваешься, не увидишь этого человека. Какое страшное слово «никогда!».

Вечер памяти, деликатно составленный и срежиссированный, начинался довольно-таки традиционно. Многочисленные гости заполнили Ефремовское фойе, разглядывая фотографии и костюмы, мемориальные вещи. Была представлена книга «О. Ефремов. Библиография», подготовленная Центральной научной библиотекой СТД и издательством МХАТ, — в ней учтены все статьи о спектаклях Ефремова, интервью с ним.

Но в зале скрывалась неожиданность: главным на сцене весь вечер был... Олег Николаевич. С большого экрана с незабываемой улыбкой, чуть лукавой и грустной, с каждым из нас беседовал Ефремов. Эта была запись последнего его интервью. Так он и провел вечер с нами, среди нас и для нас. В естественном диалоге с ним строили свои выступления участники. Говорили не с мертвым, но с живым, ибо живыми, даже свободными были слова,

Марк Захаров и Геннадий Хазанов на вечере памяти Олега Ефремова.
Фото Михаила Циммеринга (НГ-фото)

которые произносил Олег Николаевич.

На сцену выходили известные люди, каждый припоминал что-то свое. Из этих впечатлений, слов, очень искренне, иногда с трудом проговариваемых, возникала фигура человека необыкновенно живого, внутренне подвижного, неожиданного в каждом своем проявлении и необходимого сейчас. Михаил Ульянов так и начал: «Скучно без Олега, без человека, который в себе соединял человеческое, простое и великое, царское».

Ия Саввина прочла Пушкина, которого любил Ефремов, с его «Желанием славы» он поступал в Школу-студию МХАТ в победном 45-м. Пушкинская строка «Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать», показалось, прозвучала особенно остро. Именно так мог произнести ее Олег Николаевич. Тем более что сразу после Ии Саввиной на экране Ефремов заговорил о том, что «свобода ставится перед человеком громадной ответственности. Если человек, общество не ощущают этой ответственности, то они не достойны свободы. Надо совершенствовать жизнь, себя».

Слова Ефремова воспринимались с большим вниманием, болью, чем, думается, год назад. Люди по природе своей расточительны и забывчивы. Но это был вечер памяти, и экранный Ефремов с вечной сигаретой в руке бу-

доражил, тревожил и... заставлял улыбаться.

Геннадий Хазанов рассказал последний ефремовский анекдот, передав характерные паузы и интонации Мастера. «Знаешь, какой русский не любит быстрой езды?» — «Какой?» — «Тот, на котором ездят». Анекдот режиссер рассказал за две недели до смерти, наверное, ощущая себя этой ездовой лошастью русского театра.

Но самыми частыми словами, звучавшими из уст Ефремова, были «жизнь, жить и нравственный». В каждом событии жизни он искал нравственный фундамент, говоря ли о Чехове, о «новом русском», о театре. Даже на прогоне «Чайки» с вводом новых исполнителей ролей Нины и Треплева (по рассказу Романа Козака) своим замечанием он закончил: «Но только вы не забывайте, что вы люди». Человек для Ефремова в первую очередь был человек разумный, думающий, помнящий.

Каждый находил в Ефремове что-то свое. «Пророк» (Марк Захаров), «приспосабливался, не приспособляясь никогда» (Виталий Вульф), «собираатель», имея в виду, в том числе, и то счастливое время МХАТа, вовсе не кризисное, когда Ефремов к взвешной труппе добавил лучшую режиссуру — Додина, Чхендзе, Эфроса, Киселова (Кама Гинкас), «он нас сделал гораздо лучше, чем мы бы

стали без него» (Виктор Шендерович), «он был русским интеллигентом-просветителем» (Виктор Сергачев). Гинкас сказал о несравненной, быть может, лучшей в стране труппе, которую потом распустили. Зря, горько подытожил он. След раздела был замечен, когда на сцену вышла Тамара Гвердцители и запела «Опустила без тебя земля...». Конечно, было бы лучше дать фрагмент из фильма, поскольку лучше Дорониной, которая пела эту песню, сидя в кадре рядом с Олегом Ефремовым, спеть уже нельзя.

Блистательная труппа Центрального дома актера под предводительством Маргариты Эскиной разыграла маленький спектакль по пьесам Чехова, где каждая фраза напрямую относилась к Ефремову. Они объяснялись с Ефремовым словами Чехова. Сопратница Ефремова по «Современнику», из тех, кого по праву зовут первооснователями, Лилия Толмачева, вспомнила замечательного ефремовского Айболита, вслед за которым весь «Современник» распевал «Это очень хорошо, что пока нам плохо», и зал, узнавая, радостно вздохнул.

Может, сказочный врач прав? Вот и последняя фраза Олега Николаевича, прозвучавшая на вечере, была такой: «Давайте любить жизнь». Это осталось как зарок, завещание, которому надо следовать.